

Отзыв официального оппонента о диссертации Левандовского Андрея Никитича на тему «Сахалин второй половины XIX – начала XX века в источниках памяти», представленной на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.5 – историография, источниковедение и методы исторического исследования.

Изучение исторической памяти – перспективное направление в современной исторической науке. Важной составляющей этого направления является изучение и интерпретация источников памяти. Такую цель по отношению к острову Сахалин второй половины XIX – начала XX века поставил перед собой А.Н.Левандовский в своей кандидатской диссертации.

Диссертация Левандовского состоит из введения, четырех глав и списка источников и литературы. В качестве объектов исследования/источников работы автор рассматривает такие значимые группы источников как делопроизводственная документация, источники личного происхождения (которые автор предпочитает называть эго-источниками), включающие переписку, дневники, воспоминания. Не обходит стороной Левандовский и такие чрезвычайно важные для его работы источники как литературные и публицистические произведения – именно после появления сочинений А.П.Чехова и В.М.Дорошевича остров Сахалин вошел в широкий общественный дискурс, а также периодическую печать. Наконец, чрезвычайно интересными и информативными для работы стали визуальные источники – фотографии и рисунки, дошедшие из изучаемой эпохи. Многие из источников, прежде всего, делопроизводственная документация, находятся в архивах, в этой связи бесспорной заслугой автора является широкое использование неопубликованного материала из центральных и региональных дальневосточных и сибирских архивохранилищ.

Необычен подход автора к изучению темы. В основной части диссертации он разделил изучаемые источники, прежде всего, по авторству, а

уже затем по типам и видам. Это позволило представить читателям многообразную картину восприятия всех аспектов жизни на Сахалине в изучаемый период.

Поскольку главными акторами государственной политики на Сахалине были чиновники, то им посвящено две первых главы. Левандовский разделил чиновников на оптимистов и пессимистов по восприятию ими сахалинских реалий. *Первая глава названа «Методика реконструкции взглядов чиновников-оптимистов на будущее и настоящее острова Сахалин на основе источников исторической памяти».* Характеризуя взгляды чиновников-оптимистов на экономическую сторону жизни острова, автор подчеркивает, что к 90-м годам среди госслужащих уже «вовсю формировалось представление о плодородности почв острова», причем этому способствовали, как отчеты специальных комиссий, так и активная деятельность главы Главного тюремного управления М.Н. Галкина-Врасского, который всячески старался продвигать в правительстве «сахалинский проект».

Что касается представления чиновничества о таких важных общественных учреждениях, как школы и больницы, то, по справедливому утверждению соискателя, у чиновников не было идеального образа этих важных инфраструктурных объектов. Причем авторы-чиновники в создаваемых ими документах пишут об этих объектах не очень уверенно, поэтому стоит согласиться с Левандовским, что «образа Сахалина, как места с развитой инфраструктурой, в трудах чиновников практически не существует» (с.83).

Своеобразным было и восприятие этой группой чиновничества и важнейшей составляющей жизни значительного процента населения острова - каторжных работ, которые оценивались ими лишь как «начальный этап, который должен подготовить будущих колонизаторов острова» (с.85). Таким же прекраснодушным было их восприятие взаимоотношений пришлого и автохтонного населения – как указывает соискатель, вначале чиновники

«верили в образ освободителей коренных народов, которые должны были в благодарность помочь русским обжиться на Сахалине. К этому добавлялись широкие возможности по развитию торговли с «инородцами», которые достаточно легко могли расстаться с ценными мехами в обмен на промышленные товары». Однако, как справедливо отмечает Левандовский, чем дальше шло освоение острова, тем яснее становилось, что в этом вопросе очень много подводных камней, которые очень сильно повлияли на положительный образ, который создавался вокруг отношений русского и коренного населения острова (с.90). Вывод автора диссертационного сочинения по первой главе представляется весьма точным - положительный образ, который формировался в продуцируемых чиновниками-оптимистами документах, был направлен на описание не настоящего, а будущего острова. Автор подчеркивает, что чиновниками уделялось много внимания тем перспективам, которые могла получить Российская Империя при правильном освоении Сахалина, причем особенно сильно проявлялась эта идея «в восприятии первых госслужащих, побывавших на острове. Им представлялось, что надо сделать совсем немного, чтобы воспользоваться богатыми ресурсами сахалинской земли, начиная от посевов пшеницы, заканчивая нефтью и золотом». Стоит согласиться с автором, что этот взгляд диктовал и практические шаги правительства, которое «хотело как можно скорее реализовать эти планы, поэтому на остров направлялся все больший поток рабочих рук, вкладывались все большие деньги, так как, казалось, что лишь этого не хватает для воплощения в жизнь «сахалинского проекта». Однако проходили годы, а идеальный образ Сахалина так и был далек от завершения, но он все еще был устремлен в будущее». Однако анализ Левандовским документов показывает, что «к началу XX века подобную риторику разделяло не так много чиновников. Отчетливо видно, что негативный образ Сахалина начинает превалировать в сознании госслужащих. Это обернулось разочарованием в «сахалинском проекте» и

становилось все меньше людей, которые готовы были жертвовать свои силы и время на развитие штрафной колонии» (с.91).

Вторая глава диссертации «Методики анализа персональных оценок чиновников-пессимистов опыта колонизации острова Сахалин середины XIX – начала XX в» не повторяет структурно первую главу, так как «пессимисты» оставили после себя большее количество разнообразных источников, чем «оптимисты». Начинает автор, тем не менее, также с оценок экономического состояния острова. Так, например, он отмечает, что у чиновников не было никаких сомнений в возможностях развития рыбных промыслов, в то время как «касательно наличия полезных ископаемых, в отсутствие геологоразведочных данных, не было единого мнения и велась определенная дискуссия» (с.99). Однако и развитие рыбных ловель имело своеобразие в сахалинских условиях - дело в том, что для «правильной добычи рыбы необходимо выходить в открытое море, что совершенно недопустимо для каторжного населения, которое может воспользоваться данной возможностью для побега. Поэтому администрация вынуждена отправлять заключенных на лов рыбы по берегам рек, где, в основном, плавают особи уже после нереста, то есть гораздо худшего качества, чем те, которые еще находятся в море». Как совершенно справедливо отмечает Левандовский, «это даже породило идею жесткого разделения добычи полезных ископаемых и рыбы с каторжными работами, но она так и не была реализована» (с.101). Еще одной сложностью жизни на Сахалине был недостаток расчищенной земли, что не способствовало появлению большого количества собственных жилищ (домов). Даже если бы у бывшего заключенного и хватило бы ресурсов на постройку собственного жилища, то перед ним вставал еще один важный вопрос, где оно, собственно, будет размещено. «Подобная скученность приводит к быстрому истощению земли и проблемам в сельском хозяйстве, от чего страдал уже весь проект колонизации острова» (с.110).

Особое внимание, что вполне объяснимо, уделил автор диссертации образу представителей тюремной администрации в записках и наблюдениях чиновников. Подводя итог детальному анализу, автор подчеркивает, что преобладал негативный образ, в котором «собраны все самые плохие качества, которыми может обладать чиновник: жестокость, алчность, некомпетентность». Справедливо наблюдение Левандовского, что «подобный образ был очень близок к мыслям большей части литераторов и значительного числа ученых, что позволило ему закрепиться в общественном сознании, практически вытеснив из него представление о том, что на Сахалине работали грамотные специалисты. Хотя даже критики отмечали, - пишет автор диссертации, - что таких людей было немало среди местных чиновников, просто их не хватало для того, чтобы изменить существующие положение дел на острове» (с.122).

Особый интерес представляет п.2.4 диссертации *«Характеристика фотодокументов как иллюстративного материала к реконструкции образа острова Сахалин»*. Автор скрупулезно провел анализ иллюстративного материала, дошедшего до наших дней, сделав при этом убедительный вывод о том, что пессимисты хотели при его помощи найти общий язык со своим читателем. Иллюстрации использовались как для лучшего понимания географии острова, так и для создания «мрачного образа штрафной колонии» (с.131).

Проанализировав взгляды чиновничества на сахалинское бытие, автор формулирует убедительный вывод о том, что в трудах госслужащих преобладали два основных взгляда на остров: «Сахалин как будущий военный и промышленный центр Дальнего Востока» и «Сахалин, как непродуманная авантюра, разбазаривающая деньги из бюджета». И та и другая точка зрения имела свои весомые аргументы, однако большую популярность приобрела пессимистическая концепция (с.138).

Третья глава работы посвящена источниковедческим проблемам реконструкции восприятия острова Сахалин современниками-

литераторами, основное место среди которых занимают Чехов и Дорошевич. Кроме того, большое внимание уделяет автор диссертации работам И.П.Ювачева и некоторых других литераторов. По доказательному мнению Левандовского, после анализа восприятия ими экономики Сахалина, в сочинениях литераторов выступает «образ каторжного острова, на котором некомпетентная администрация заставляет ссыльных без должной поддержки и плана заниматься возделыванием земель, сильно отличающихся из-за климатических условий от центральной России. Это приводит к голоду и бедности местного населения, что служит основанием для вывода о том, что данная система нуждается в серьезном реформировании (с.151). При этом, в целом, говорить о том, что литераторы рисуют образ штрафной колонии только в негативном ключе не совсем корректно. Как метко отмечает Левандовский, «скорее они показывают слабости сложившейся системы, которые необходимо исправить для того, чтобы ссыльные могли пересмотреть свой образ жизни, а не углубляться больше в свои пороки» (с.172). Литераторы больше, чем чиновники, уделяли внимание коренным народам Сахалина. По мнению автора, они сформировали, во многом идеализированный их образ (И.П. Ювачев, например, сравнивал их с индейцами Центральной Америки). «По описанию их черт характера складывается классическое представление о народе, который долгое время не сталкивался с европейской цивилизацией. Они добры, правдивы, держат свое слово и по-детски наивны». При этом, писатели не скрывали, что местные жители «практикуют такие обычаи, как, например, рабство, которые уже не встретишь в цивилизованном обществе» (с.183).

Еще одним любопытным моментом наблюдений автора над сочинениями литераторов является то, как через текст проступают характерные черты каждого из авторов. «Если некоторые работы ученых или госслужащих можно спутать между собой, то о литераторах такого сказать не получится, - отмечает Левандовский. - Их мнение по одному и тому же вопросу могут совпадать, но подача будет кардинально отличаться, что

отлично видно по А.П. Чехову, В.М. Дорошевичу и И.П. Ювачеву». Если у Чехова стиль «более строгий, основная его идея состоит в том, чтобы описать функционирование штрафной колонии с ее ссыльным населением» и поэтому у него «больше общей информации и статистических данных», то у В.М. Дорошевича упор сделан «на личные истории людей, так как он справедливо считал, что это должно сильнее привлечь к нему внимание читателей». И.П. Ювачев же рассказывал о каторге «со стороны прожитого им опыта и тех наблюдений, которые он собрал за восемь лет пребывания на острове. Это более личная история духовных поисков и преодоления сложных жизненных обстоятельств» (с.199-200).

Тратилась в Японии, например, на острове Хокодате,209

Наконец, *четвертая глава* диссертации посвящена *реконструкции интерпретаций и оценок* учеными острова Сахалин, отраженных в *текстовых и визуальных источниках*. Автор совершенно справедливо отмечает, что у русских ученых каторжное население острова освещается несколько иначе, чем у литераторов и чиновников, т.к. основное внимание они уделяли политическим, а не уголовным заключенным. Основным источником мнений ученых, в частности, Б.О. Пилсудского и Л.Я. Штернберга, которые сами были заключенными, являются их личные дневники и письма (с.214).

Вообще, как справедливо отмечает автор, «образ острова в восприятии русских ученых весьма сложен и многообразен», этому способствует многообразие привлекаемых им для анализа источников – наряду с научными трудами, это их дневники и письма, которые, «с одной стороны, дополняют их научные труды, с другой проясняют многие моменты из жизни каторги» (с.228).

Один из параграфов Левандовский посвятил образу острова в трудах иностранных ученых, сделав не подвергаемый сомнению вывод о том, что если «в России благодаря усилиям литераторов и госслужащих у общества более-менее выработалось представление об острове», то на Западе он «воспринимался как *terra incognita*, что видно и в итоговом образе

иностранцев, у которого Сахалин представляется чем-то более диким и мрачным, чем у русских авторов» (с.256).

Таким образом, А.Н.Левандовским представлено серьезное фундированное самостоятельное сочинение, материалы которого, бесспорно, будут востребованы в научной литературе и в краеведении. Как любое научное сочинение и это, однако, не свободно от недочетов

Во-первых, при чтении работы все время напрашивается сравнение с отражением в источниках других близких по статусу и населению территорий России и даже зарубежья (например, Австралии XVIII-XIX веков). Понятно, что это - задача отдельной работы, но хотя бы упомянуть о возможности такого сравнения следовало бы. Применение не только внутритематического, но и межтематического сравнения усилило бы выводы диссертации.

Во-вторых, автор, полностью погрузившись в реалии Сахалина рубежа позапрошлого и прошлого столетий, не упомянул хотя бы в сноске, что у автохтонных народов, называвшихся тогда гиляки и гольды, есть современные названия нивхи и нанайцы.

Наконец, в третьих, от чтения весьма интересного текста отвлекают многочисленные пунктуационные и стилистические ошибки, носящие иногда и сущностный характер (например, на с.209 остров Хоккайдо назван Хакодате в честь города на о.Хонсю).

Все эти недочеты, конечно, не носят системного характера. Их наличие никак не может повлиять на общую положительную оценку работы.

Автореферат соответствует основному содержанию диссертационной работы. Материалы диссертации в полной мере отражены в 7 работах, опубликованных соискателем ученой степени, в том числе в 4 статьях, опубликованных в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова по группе специальностей 5.6 – Исторические науки.

Диссертация А.Н.Левандовского отвечает требованиям, установленным

Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 5.6.5 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования (по историческим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, она оформлена согласно Приложениям 5 и 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Таким образом, соискатель Андрей Никитич Левандовский заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.5 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования.

Официальный оппонент:

доктор исторических наук, профессор

директор Института экономики, истории и права

ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет

имени академика И. Г.Петровского»

Михальченко Сергей Иванович

30.11.2023

Контактные данные

тел.:+7 (4832) 58-05-31, доб. 1245, e-mail: institut.sei@mail.ru

Специальность, по которой защищена диссертация:

07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования

Адрес места работы:

241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, д. 14

ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г.Петровского»,

Институт экономики, истории и права

С.И. Михальченко
подпись _____ эс/аряю _____
Документовед *С.И. Сухов*